

18+

СОФИЯ ВИЛЬНЕР

ВИДЫ НА МИР ВНЕ

София Вильнер

Системный сбой

«Издательские решения»

Вильнер С.

Системный сбой / С. Вильнер — «Издательские решения»,

Он остался один — без денег, без имени, с ножом в боку и голосом в голове. Бывший военный не сдаётся. Он начинает войну против системы, которая решила его уничтожить. Но чем дальше он идёт, тем меньше понимает: голос — это дар или безумие? Мужской психологический триллер. От автора: Я написала эту книгу, потому что устала от слабых героев. «Системный сбой» — не про месть. Это про слом. Про момент, когда у мужчины забирают всё, кроме одного — права решать, кем он останется.

© Вильнер С.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. ЗАПАХ ГАРИ	6
ГЛАВА 2. СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Системный сбой

София Вильнер

© София Вильнер, 2026

ISBN 978-5-0071-3859-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дай боже не сойти сума от знаний жизни и ее уроков...

ГЛАВА 1. ЗАПАХ ГАРИ

Три дня до.

Он проснулся от запаха гари.

Не той, что тянет с улицы от осенних костров, и не той, что бывает, когда на плите подгорает ужин. Эта вонь пришла изнутри — из-под закрытых век, из глубины памяти, куда он запрещал себе спускаться последние пятнадцать лет.

Егор открыл глаза. Потолок. Старая трещина от люстры к окну, знакомая, как шрамы на собственном плече, животе и кисти. Он смотрел на неё и ждал, когда отпустит.

Не отпускало.

Гарь въедалась в ноздри, оседала на языке горьким металлом. Так пахло в те дни, когда его жизнь раскололась на «до» и «после». Когда горела земля, горели люди, горела сама вера в то, что есть хоть какой-то порядок. Он вытащил тогда двоих. Третий остался внутри — парень по кличке Лютый, потому что смеялся, даже когда было не до смеха. Егор до сих пор помнил, как лопнул брезент на его спине, когда пламя добралось до металла.

Он сел. Простыня мокрая, хоть выжимай. Сердце колотилось где-то у горла. В висках стучал метроном.

— Твою мать, — выдохнул он в пустоту.

Сон повторился. Третий раз за неделю. Егор знал, что это значит. Не мистика, не «провидение». Просто старая контузия напоминала о себе всякий раз, когда жизнь давала трещину. Психика, как натянутая проволока. Чуть тронь — зазвенит.

Он спустил ноги на холодный пол. Квартира молчала. Светка с Алисой уехали к теще еще в пятницу, и за эти четыре дня он так и не понял — рад этому или нет. Тишина давила, но присутствие жены давило сильнее. Они давно разучились разговаривать.

Он прошел на кухню. Серый ноябрьский рассвет сочился сквозь грязное окно, будто кто-то разбавил день водой. Включил чайник, оперся ладонями о столешницу. Перед глазами — картинка из сна: черный дым, оплавленный пластик, чужая рука в окровавленном рукаве, которая тянется к нему из огня.

— Хватит, — сказал он вслух.

Не помогло.

Чайник щелкнул. Егор достал кружку, бросил пакетик. Пальцы подрагивали. Он сжал их в кулак, подержал, разжал. Дрожь ушла глубже, стала почти незаметной.

Телефон завибрировал. Сообщение от Дэна:

«Андреич, совещание в 10. Иванов спрашивал, почему тебя нет два дня. Я сказал, ты на объекте. Прикрой».

Егор прочитал. Отложил телефон. Налил кипятка. Пакетик чая всплыл, пошел кругами, окрашивая воду в мутный желтый цвет.

Он думал о том, что последние полгода система в «ТрансЛогистик» давала сбои. Документы терялись, на складах появлялся левак, камеры «случайно» выходили из строя именно в те ночи, когда через терминал шли серые фуры. Нити вели наверх — к Иванову, к его зятю, к финансовому директору с глазами хорька.

Егор всё это видел. И молчал. Ждал момента.

Момент настал.

Он допил чай, вылил остатки в раковину. Одевался медленно, как перед боем. В зеркале — высокий, широкоплечий мужик с сединой на висках и глазами, в которых давно погас свет. Лицо будто рубленое топором: резкие скулы, тяжелая челюсть, нос со следом старого перелома.

Он застегнул рубашку, повязал галстук. Руки двигались сами, по памяти. Мысли были далеко.

У двери остановился. Показалось, что где-то в глубине комнат раздался тихий шепот — едва различимый, как шорох осенней листвы.

Егор обернулся.

Никого.

— Сука, — прошептал он.

И вышел, не оглядываясь.

Подъезд пах хлоркой и кошачьей мочой. Лифт не работал. Он спустился пешком, считая ступени. На восьмой вспомнил, что забыл выключить свет в коридоре.

Остановился. Развернулся. Поднялся обратно.

Ключ провернулся в замке с тихим щелчком.

Свет в коридоре не горел.

Он стоял на пороге и смотрел в темный проем. Где-то внутри, под ложечкой, поднялась холодная волна. Не страх. Что-то другое. Он не мог подобрать слова.

Это началось не сегодня. Первые звоночки были месяц назад: он начал забывать, выключал ли газ, закрывал ли дверь, парковал ли машину. Возвращался. Проверял. Потом снова забывал. Врач сказал — тревожное расстройство на фоне хронического стресса. Выписал таблетки. Егор их не пил. Таблетки — для слабаков, а он не имел права быть слабым.

Он захлопнул дверь. Повернул ключ. Подергал ручку — заперто.

На улице его встретил промозглый ветер. Мокрый снег падал с неба, таял на асфальте, превращая город в черное месиво. Егор сел в машину, завел мотор. В зеркале заднего вида — пустой двор, старый тополь с обломанной веткой, детская площадка без детей.

Он тронулся. На выезде его подрезал ржавый «Солярис». Егор ударил по тормозам. Внутри что-то вспыхнуло — горячее, мгновенное. Он рванул руль, догнал «Солярис» у светофора, ударил по клаксону. Водитель — молодой парень в кепке — показал средний палец.

Егор опустил стекло.

— Выйди, — сказал он ровно.

Парень посмотрел на него. Увидел глаза. Стекло «Соляриса» тут же поднялось. Парень уставился прямо перед собой, вцепившись в руль.

Светофор переключился. «Солярис» рванул с места, едва не задев бампер впереди стоящей машины.

Егор проводил его взглядом. Злость отступила. Осталась усталость.

Офис «ТрансЛогистик» — семнадцатизэтажная стекляшка на окраине делового центра. Егор въехал на подземную парковку. Охранник махнул рукой, узнал. Машина встала ровно, по линиям. Егор заглушил мотор, посмотрел на свои руки. Пальцы сжимали руль так, что побелели костяшки.

Он разжал их. Пульс отдавал в кончики.

«Ты уже знаешь, что там», — шепнул голос. Тихо, почти неразличимо.

Егор замер. Поднял глаза к зеркалу заднего вида. Сзади — никого. Только бетонная стена парковки.

— Знаю, — ответил он вслух.

И вышел из машины.

Дверь в кабинет Иванова была приоткрыта. Егор не постучал.

Виктор Павлович сидел за столом, листал бумаги. Напротив, в кресле, развалился Сема — зять, тридцатилетний хлыщ с дорогими часами и улыбкой человека, которому всё далось без боя. При виде Егора он ухмыльнулся шире.

— О, Егор Андреевич! — Иванов изобразил радушие. — А мы уж думали, ты пропал.

Егор закрыл дверь. Не спеша, подошел к столу. Взял стул, стоявший у стены, развернул его и сел без приглашения. Скрестил руки на груди.

Сема перестал улыбаться.

— Я не пропадаю, — сказал Егор. — Я наблюдаю.

— И что же ты наблюдал?

— Что вчера с четвертого терминала ушли две фуры с леваком. А камеры на КПП будто кто-то выключил.

Тишина. Такая, что слышно, как в вентиляции гудит ветер. Сема покосился на тестя. Иванов выдержал паузу, кивнул.

— Хорошая работа. Ты всегда был глазастым. Только вот незадача...

Он достал из ящика папку, бросил на стол.

— Эти фуры шли по твоей накладной. И подписи — твои.

Егор не пошевелился. Он знал, что будет дальше. Знал с того самого момента, как проснулся с запахом гари в ноздрях. Гарь — это не просто воспоминание. Это предупреждение. Так пахнет беда, которая уже стоит за спиной.

— Покажи, — сказал он.

Сема нехотя поднялся, взял папку, протянул. Егор открыл её. Накладные, счета, письма. Подпись — чужая, аккуратно срисованная. Или старая, оставленная на пустых бланках в сейфе, от которого у него был ключ.

Он закрыл папку. Но не отдал. Положил перед собой, накрыл ладонью.

— Это не я, — сказал он тихо.

— Конечно, не ты, — Иванов улыбнулся. — Но доказывать будешь не нам. А следователю.

Егор поднял глаза. Взгляд — прямой, тяжелый.

— Зачем?

— Бизнес, Егор. Ничего личного. Акционеры требуют крови. Ты — самая удобная мишень.

— А я?

— А ты получишь лет восемь. И, если будешь хорошо себя вести, выйдешь через пять. Семья будет обеспечена. Алиса доучится в хорошей школе.

При упоминании дочери внутри что-то сжалось. Туго, как кулак. Егор сделал паузу. Потом медленно поднялся, взял папку и сунул её под мышку.

— Э-э, ты куда? — Сема привстал.

— Это мои документы, — сказал Егор, не глядя на него. — Я их забираю.

— Ты охренел?! — Сема шагнул вперед.

Егор повернул голову. Один взгляд — и Сема замер на полушаге.

— Сядь, — сказал Егор.

Сема сел.

Иванов наблюдал за сценой молча, с интересом. Когда Егор направился к двери, он произнес:

— Это ничего не изменит. Копии уже у следователя.

Егор остановился у двери. Не оборачиваясь.

— Гарь, Виктор Палыч, — сказал он тихо.

— Что?

— Пахнет гарью. Везде. Ты не чувствуешь?

И вышел, прижимая папку к боку.

В коридоре он не пошел к лифту. Свернул в техническое помещение в конце этажа — туда, где стояли серверные шкафы и воняло пылью. Закрыл дверь. Прислонился к стене.

Сердце колотилось. В груди жгло. Он открыл папку, вытащил несколько листов, сфотографировал на телефон. Руки тряслись — но не от страха. От ярости.

«Правильно. Забери. Не отдавай».

Голос звучал ближе, чем раньше. Егор поднял голову. В техническом помещении было темно, только мигали зеленые огоньки на серверах.

— Ты кто? — спросил он шепотом.

Тишина.

Он сфотографировал еще несколько страниц. Сунул телефон в карман. Папку — за пазуху, под пиджак. Вышел из помещения, поправил пиджак, одернул рукава.

Теперь у него были копии. Пусть не все. Но хоть что-то.

Машина не завелась.

Стартер жужжал вхолостую, двигатель молчал. Егор откинулся на сиденье, закрыл глаза. Хотелось курить. Хотелось выпить. Хотелось ударить кого-нибудь так, чтобы костяшки хрустнули.

Он не сделал ничего из этого.

Позвонил Дэну.

— Андреич, ну как? — голос в трубке дрожал.

— Норм. Машина сдохла. Подбрось до дома.

— Сейчас. Ты только не уезжай.

Дэн приехал через пятнадцать минут — суетливый, взъерошенный, очки на пол-лица. Егор сел в «Мазду». Дэн запрыгнул следом, задышал часто, как после пробежки.

— Ты чего такой дерганный? — спросил Егор.

— Я не дерганный. Я в ужасе, — Дэн снял очки, протер их краем футболки. — Вчера ко мне подходил Брусникин из внутреннего аудита. Сказал, что на тебя копают. Серьезно. Финмониторинг, налоговая, СК. Готовят дело.

— Знаю.

— И еще... — Дэн замялся. — Сема в курилке болтал, что ты якобы крышевал левые поставки. И что у него есть запись, как ты бьешь охранника на КПП.

— Какая запись?

— С камеры. За прошлый месяц. Ты ему врезал за то, что не пропустил без пропуска.

Егор помнил тот случай. Молодой охранник, третий день на смене, тупо следовал инструкции. Егор вспылil, дал подзатыльник. Теперь эта запись станет доказательством его «агрессивного поведения».

— Дэн, — сказал он. — Ты понимаешь, что это спектакль?

— Понимаю! Поэтому и звоню. Надо что-то делать.

— Делай, что я скажу. Никому не звони. Ничего не подписывай. Ты не в курсе. Понял?

— А ты?

— А я поеду домой. И буду думать.

«Мазда» выехала с парковки, нырнула в серый поток машин. Егор смотрел в окно. Город проплывал мимо — мокрый, чужой, равнодушный.

«Они все против тебя», — прошелестел голос.

Егор не ответил. Он смотрел на свое отражение в стекле. Лицо — бледное, заострившееся. В глазах — что-то новое. Не страх. Не злость. Что-то глубже.

Квартира встретила его тишиной.

Он вошел, не разунаясь. Прошел на кухню. Достал из шкафа початую бутылку водки. Налил полстакана. Посмотрел на неё. Потом вылил в раковину.

Не сейчас.

Он сел за стол. Положил перед собой папку. Открыл. Начал разбирать документы — внимательно, страницу за страницей. Где-то через час нашел то, что искал: номер контракта,

который не проходил через него, но стоял в накладной. И подпись — его, но с наклоном влево. Он никогда не подписывал с наклоном влево.

Доказательство. Слабое, но всё же.

Телефон завибрировал. Звонила Светка.

— Ты дома? — голос глухой.

— Дома.

— Я сейчас приеду. Нам надо поговорить.

— О чем?

— О нас. Обо всем. Егор... — пауза. — Я знаю про уголовное дело.

— Приезжай.

Он знал, о чем будет разговор. Знал еще до того, как Светка вошла в квартиру. Знал по запаху — легкому, едва уловимому. Так пахнет конец.

Но за час до неё приехала Алиса.

Егор услышал, как ключ повернулся в замке. Вышел в прихожую. Дочь стояла на пороге — в расстегнутой куртке, с рюкзаком на одном плече. Мокрые волосы прилипли ко лбу. Ей было четырнадцать, но выглядела она старше — из-за глаз. Таких же, как у него. Серых, с тяжелым дном.

— Ты почему один? — спросила она вместо приветствия.

— А с кем я должен быть?

Алиса скинула кроссовки, прошла на кухню. Егор заметил, что она хромает.

— Что с ногой?

— Подвернула. На физре.

Она села за стол, подтянула колено к груди, обхватила руками. Егор прислонился к дверному косяку. Между ними — метры, которые не измерить шагами.

— Мама звонила, — сказала Алиса, не глядя на него. — Сказала, что вы разводитесь.

Егор молчал.

— Она сказала, что ты украл деньги.

— А ты что думаешь?

Алиса подняла глаза. В них было не детское — взрослое, колючее.

— Я думаю, что ты дурак, если позволил им это сделать.

Егор усмехнулся. Не весело — горько.

— Может, и дурак.

— Пап, — она вдруг встала, шагнула к нему. — Я не хочу уезжать. Я не хочу в Питер. Я здесь родилась. Здесь мои друзья. Здесь... ты.

Она говорила быстро, сбивчиво, и Егор видел, как дрожат её губы. Он хотел обнять её, но руки не поднялись. Они висели вдоль тела, как чужие.

«Она врет. Она тоже уйдет».

Голос. Тихий, вкрадчивый. Егор сжал челюсти. Заставил себя смотреть на дочь.

— Алис, — сказал он. — Я всё решу. Слышишь? Всё будет нормально.

— Ты всегда так говоришь, — она отвернулась, вытерла нос рукавом. — А потом исчезаешь. На неделю. На месяц. Как будто нас нет.

— Это не так.

— А как? — она развернулась. В глазах стояли слезы, но она не плакала. Держалась. — Ты когда в последний раз был на моем дне рождения? Ты когда в последний раз спрашивал, как у меня дела?

Егор открыл рот. Закрыл.

— Вот именно, — Алиса покачала головой. — Ты не знаешь, что ответить. Потому что тебя нет. Ты где-то в другом месте. Всегда.

Она подошла к столу, взяла свой рюкзак. Егор сделал шаг следом. Протянул руку — но не коснулся. Пальцы зависли в воздухе, в сантиметре от её плеча.

Алиса обернулась. Посмотрела на его руку. Потом на него.

— Мама говорит, ты чокнутый, — сказала она тихо. — Но я не верю. Я просто... я устала ждать, когда ты заметишь, что я живая.

Она пошла к выходу. У двери остановилась.

— Я приехала за наушниками. И сказать, что я тебя не осуждаю. Но и защищать больше не буду.

И вышла. Тихо, без хлопка. Только щелчок замка.

Егор остался стоять в прихожей. Смотрел на дверь. Внутри что-то оборвалось — не с треском, а с тихим, сухим звуком. Как будто лопнула нить, на которой держалось всё.

«Она ушла», — сказал голос.

— Заткнись, — прошептал Егор.

«Но она вернется. Если ты не сдохнешь».

Егор закрыл глаза. Постоял так минуту. Потом вернулся на кухню, сел за стол, положил руки на папку с документами.

Теперь у него был еще один повод.

Светка приехала через час.

Она вошла так же, как дочь, — без стука, своим ключом. Но держалась иначе: спина прямая, подбородок вздернут. Так держатся люди, которые уже всё решили и пришли за подтверждением.

— Алиса была здесь? — спросила она с порога.

— Была.

— Что ты ей сказал?

— Правду.

Светка усмехнулась. Прошла на кухню, села на стул, положила сумку на колени.

— Ты даже не знаешь, что такое правда, Егор.

— Зато ты, видимо, знаешь.

Она вскинула голову. Глаза сухие, злые.

— Я знаю одно: я устала. Я пятнадцать лет ждала, когда ты вернешься с войны. А ты так и не вернулся. Ты смотришь сквозь меня, как сквозь стену. Ты не разговариваешь. Ты не замечаешь дочь. Ты не замечаешь никого, кроме своих призраков.

— Призраков? — Егор поднял бровь.

— Да. Твоя работа. Твои контузии. Твои ночные кошмары. Ты живешь в прошлом, Егор. А мы — в настоящем. И мы тебе не нужны.

— Я не святой, — сказал он тихо. — Но я не вор. И я не оставлю Алису.

— Ты уже оставил! — Светка вскочила. — Ты оставил её, когда по ночам кричал во сне! Когда она боялась подойти к твоей кровати! Когда спрашивала меня: «Мама, а папа нас любит?» Что я должна была ей ответить?!

Егор поднялся. Лицо бледное, но спокойное.

— Скажи, что любит.

— Ты сам ей скажи! — Светка шагнула к нему. — Если успеешь до того, как тебя закроют!

Тишина легла между ними, как бетонная плита.

Егор смотрел на жену. Видел морщинки у глаз, которых не замечал раньше. Видел седой волос, выбившийся из прически. Видел усталость, которую она таскала на себе годы.

— Света, — сказал он. — Я решу вопрос. Дай мне неделю.

— Неделю для чего? Чтобы ты убил кого-то? Или чтобы тебя убили? — она покачала головой. — Нет. Я уезжаю завтра. Развод через суд. Алиса останется со мной.

— Я не отдам её.

— Ты уже отдал.

Она повернулась, пошла к выходу. У двери остановилась.

— Ты не плохой, Егор. Но я устала. Понимаешь? Просто устала.

Дверь закрылась. В прихожей остался только запах её духов — легкий, цветочный, уже чужой.

Егор стоял посреди кухни. В голове — пустота, звенящая, как после взрыва. Он подошел к стене, уперся в неё ладонями. Потом медленно, без замаха, ударил лбом в обои.

Раз. Другой. Третий.

Боль — острая, отрезвляющая. Он остановился. Прислонился лбом к стене. Дышал ртом.

Он стоял, прижав лоб к холодным обоям, и слушал, как в висках стучит кровь. Где-то в соседней квартире играла музыка. Кто-то смеялся. Жизнь продолжалась. А в его груди — только пепел.

— Сука, — прошептал он.

Потом отошел, сел на пол. Спиной к батарее. Посидел так. Несколько минут. Или час. Он не знал. За окном стемнело. Снег все падал — мокрый, тяжелый, равнодушный.

«Вставай», — сказал голос.

Егор не пошевелился.

«Вставай. У тебя есть дочь».

Он поднял голову. Оглядел кухню. Пустая бутылка, разбросанные документы, чашка с остывшим чаем. Его жизнь. Всё, что от неё осталось.

Он встал. Надел куртку. В кармане нащупал нож — старый армейский. Достал, проверил лезвие. Тусклая сталь блеснула в полутьме.

«Ничего, — подумал он. — Еще не вечер».

И вышел.

Он заметил их у арки.

Трое. Короткие стрижки, раздутые пуховики, тяжелые ботинки. Один крутил в руке кастет, блеснувший в свете фонаря.

Егор не остановился. Он шел прямо на них.

За секунду до того, как первый сделал шаг, он почувствовал это. Не увидел — почувствовал. Горячая волна поднялась от поясицы к затылку, в глазах на мгновение потемнело. Перед ним вспыхнула картинка: бита летит сбоку, метит в висок.

Он пригнулся.

Бита просвистела над головой, врезалась в стену, выбив кирпичную крошку.

— Ах ты сука! — заорал тот, что промахнулся.

Егор уже был в движении. Удар — резкий, короткий — в челюсть первому. Кулак вошел в цель, но отдача отдала в плечо, в шею, в поясицу. Тело отвыкло от такой работы. Он почувствовал, как хрустнуло в спине — не страшно, но неприятно.

Первый отлетел, выронил кастет. Второй попытался ударить ножом. Егор перехватил запястье, вывернул. Хруст. Нож упал. Третий замахнулся битой — Егор снова ушел в сторону, но медленнее, чем хотел. Бита задела плечо. Вспышка боли.

— Твою мать! — выдохнул он.

Третий наступал. Егор шагнул назад, поскользнулся на мокром асфальте, потерял равновесие. Мир на секунду качнулся. Он увидел небо, фонарь, чью-то тень.

Перед глазами мелькнуло лицо дочери. Не испуганное — разочарованное. Так она смотрела на него сегодня, перед тем как уйти.

«Вставай!»

Голос. Громкий, как крик. Егор откатился, пропуская удар биты в землю. Поднялся. В голове звенело. Во рту — вкус крови.

Третий снова замахнулся. Егор поймал биту на блок, рванул на себя. Противник подался вперед, потерял равновесие. Егор ударил его головой в переносицу. Хруст. Противник обмяк, выпустил биту.

Второй, с вывернутым запястьем, попытался подняться. Егор подошел, присел рядом.

— Кто послал? — спросил он хрипло.

— Пошел ты...

Егор надавил на сломанное запястье. Тот заорал.

— Кто послал?

— Не знаю! Клянусь! Дали адрес, бабки вперед! Сказали — поугатать!

— Кто дал?

— Мужик какой-то. По телефону. Я его не видел!

Егор отпустил. Второй заскулил, прижав руку к груди.

Первый лежал без движения. Третий — тоже. Егор выпрямился. Тело гудело. Левое плечо горело. В боку — тупая боль. Он поднял голову. Небо было черным, беззвездным. Снег падал, таял на лице.

Он сделал шаг. Потом еще. Ноги слушались плохо, но слушались.

Позади осталась арка, трое тел, бита, кастет, кровь на асфальте.

Впереди — пустая улица, фонари, мокрый снег.

«Ну что, Тихомиров? Началось?»

— Началось, — ответил он.

И пошел прочь, в темноту, оставляя на асфальте красные капли.

ГЛАВА 2. СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

Два дня до.

Он шел, не разбирая дороги.

Снег таял на лице, смешиваясь с кровью. Левое плечо горело так, будто кто-то прижимал к нему раскаленный утюг. В боку при каждом вдохе что-то хлюпало. Егор не думал об этом. Он думал о том, что где-то в этом городе есть человек, который только что поставил на него свою подпись. И этот человек не знает, что подписал себе приговор.

Улица была пустой. Только редкие машины проносились мимо, разбрызгивая грязную жижу. Егор шел вдоль панельных девятиэтажек, мимо темных окон, мимо ржавых гаражей. Адрес всплыл в памяти сам — Автозаводская, дом девять. Валера. Старый друг, который не задает лишних вопросов.

Он не позвонил. Не предупредил. Просто шел, и каждый шаг отдавался в спине тупой болью. Тело требовало остановки. Егор не останавливался.

На полпути он все-таки остановился.

Не потому, что не мог идти. Потому что увидел свое отражение в витрине закрытого магазина. Из темного стекла на него смотрел чужой человек. Серое лицо, черные круги под глазами, кровь на скуле, грязь на воротнике. Глаза пустые, как у куклы. Егор смотрел на этого человека и не узнавал. Где-то глубоко, под слоем усталости и боли, шевельнулось что-то похожее на страх. Не за себя. За то, что этот человек уже не вернется к прежней жизни.

«Сдохнешь по дороге», — сказал голос.

— Не дождешься, — ответил он вслух.

И пошел дальше.

До Автозаводской было минут сорок пешком. Егор дошел за полчаса. Наверное, адреналин. Или ярость. Или то, что не имело названия, но жило в нем последние пятнадцать лет.

Дом девять сталинка с облупленным фасадом. Подъезд пах капустой и сыростью. Егор поднялся на третий этаж, позвонил в дверь с обитой дерматином обивкой. Изнутри — тишина. Потом шаркающие шаги, щелчок замка.

Валера открыл в майке-алкоголичке и спортивных штанах. Лысый череп блестел в тусклом свете лампочки. Он посмотрел на Егора — на кровь, на разбитые костяшки, на белое лицо — и молча отступил в сторону.

— Заходи. Только обувьними, у меня чисто.

Егор перешагнул порог. Хотел наклониться, чтобы развязать шнурки, но бок пронзило болью. Он согнулся, уперся ладонью в стену.

— Та-а-ак, — протянул Валера. — Давай-ка без героизма. Сюда.

Он взял Егора под здоровое плечо, провел на кухню. Усадил на табурет. Сам сел напротив, скрестил руки на груди.

— Рассказывай. Только коротко. У меня в холодильнике борщ, но если ты сейчас начнешь длинную историю, он скиснет.

Егор усмехнулся. Боль в боку дернула — смех вышел кривым.

— Подставили меня, Валер. Иванов. Сливают. Жена ушла. Дочь... — он замолчал, провел языком по пересохшим губам. — Дочь тоже.

— Это я понял. А кровь откуда?

— Трое в арке. Кастет, бита, нож. Я шел к тебе, а они ждали.

Валера нахмурился. Встал, подошел к плите, поставил чайник. Достал из шкафа бинты, перекись, пластырь. Все это легло на стол ровными рядами, как инструменты хирурга.

— Снимай куртку, — сказал он.

Егор не пошевелился.

— Ты меня слышишь? Снимай куртку. Мне нужно посмотреть, что у тебя там.

Егор медленно стянул куртку. Рубашка под ней была мокрой от крови. Валера присвистнул.

— Красиво. Ножом по ребрам прошлись. Мягкие ткани порваны. Но ребро вроде целое. Повезло.

— Это не везение, — сказал Егор. — Это они бить не умели.

— Ну да, ну да. Профессионалов на тебя, значит, пока не спустили. Или спустили, но ты им не по зубам.

Валера начал обрабатывать рану. Перекись зашипела, запузырилась. Егор стиснул зубы, но не издал ни звука.

— Терпишь, — заметил Валера. — Это хорошо. Но ты мне вот что скажи, Андреич. Ты понимаешь, что это только начало?

— Понимаю.

— Нет. Ты не понимаешь. — Валера оторвался от раны, посмотрел Егору в глаза. — Если Иванов решил тебя слить, он не остановится. Он не из тех, кто бросает дело на полпути. Сначала — подстава с документами. Потом — нападение. Дальше будет хуже. Они найдут твой адрес. Найдут твою дочь. Найдут всех, кто тебе дорог.

Егор молчал. Внутри что-то сжалось. Не от боли. От слов.

— Поэтому тебе нужно исчезнуть, — продолжал Валера. — На время. Пока не поймешь, кто заказчик и где искать концы.

— Я знаю, кто заказчик.

— Иванов?

— Не уверен. Может, он. Может, его зять. Может, кто-то выше. Но начинать придется с него.

Валера закончил перевязку, закрепил бинт пластырем. Отстранился, оценил работу.

— Ладно. Живи пока у меня. Место тихое, соседи не суются. Но у меня условие.

— Какое?

— Никакой самостоятельности. Пока рана не затянется, ты сидишь здесь и не высовываешься. А дальше — вместе подумаем.

Егор покачал головой.

— Не могу. У меня два дня, Валер. Может, меньше. Если я лягу на дно, они перекроют все выходы. Мне нужно действовать сейчас.

— Ты с ума сошел? — Валера повысил голос. — У тебя дырка в боку, синяки на полспины и сотрясение, я гарантирую! Ты в таком состоянии даже до сортира дойдешь с трудом! Какие, к черту, действия?!

Егор медленно поднялся. Постоял, покачиваясь. Потом сделал шаг к окну.

За грязным стеклом — двор-колодец, мусорные баки, покосившийся гараж. Где-то вдали гудели машины. Город жил. Городу было плевать.

— Валер, — сказал он тихо. — Я не за себя боюсь. Я за Алису.

— Я понимаю. Но если тебя убьют, ей легче не станет.

Егор обернулся.

— Если я ничего не сделаю, ей тоже легче не станет. Потому что Иванов не остановится. Он пойдет до конца. И когда он доберется до неё...

Он не договорил. Но Валера понял.

Они стояли друг напротив друга — два мужика, прошедших через ад. Один — с руками в чужой крови, другой — с усталыми глазами. Между ними — пятнадцать лет дружбы и одна общая правда: в этом городе выживает только тот, кто бьет первым.

— Ладно, — сдался Валера. — Но завтра. Сегодня ты никуда не пойдешь. Это не обсуждается.

Егор кивнул. Спорить не было сил.

Ночь он провел на старом диване, под колючим пледом. Спал урывками. Просыпался от каждого шороха, от каждого скрипа половиц. Потом снова проваливался в темноту, где горела земля и кто-то звал его по имени.

Под утро приснилась Алиса.

Она стояла на школьном дворе, в старом пальто, с рюкзаком на одном плече. Вокруг — дети, шум, смех. Она не смеялась. Она смотрела на него через забор.

— Пап, — сказала она. — Ты опять уходишь?

— Я вернусь, — ответил он.

— Ты всегда так говоришь.

Она повернулась и пошла прочь. Егор хотел догнать её, но ноги не слушались. Он кричал, но голос пропал. Он рванулся — и проснулся.

За окном — серый рассвет. Валера спал в кресле, свесив голову на грудь. На столе — остывший чай, бинты, перекись.

Егор сел. Боль в боку напомнила о себе, но уже не так остро. Он осторожно встал, прошел на кухню. Налил воды из-под крана, выпил. Посмотрел на телефон. Три пропущенных от Дэна. Одно сообщение.

«Андреич, срочно. Иванов вызвал ментов. Тебя ищут. Не появляйся нигде. Я постараюсь узнать подробности».

Егор прочитал. Отложил телефон. Внутри — лед. Тот самый, который приходит, когда понимаешь, что обратного пути нет.

«Они идут за тобой», — сказал голос.

— Знаю.

«Что будешь делать?»

— То, что должен.

Он нашел на вешалке старую куртку Валеры — темно-синюю, с капюшоном. Надел. Кепку натянул на глаза. В зеркале — чужой мужик с серым лицом и черными кругами под глазами. В таком виде можно выйти на улицу и затеряться в толпе.

Валера проснулся, когда Егор уже стоял у двери.

— Ты куда?

— Нужно встретиться с одним человеком.

— С кем?

— С Калганом. Помнишь, я тебе говорил? Он должен мне. Хватит отсиживаться. Пора трясти долги.

Валера поднялся, потер лицо ладонями.

— Калган... Это тот, что на Сенной ломбард держал?

— Он самый.

— Ну, удачи. Только если что — звони. И не геройствуй.

Егор кивнул. Вышел. Дверь за ним закрылась с тихим щелчком.

До Сенной он добрался на маршрутке. Ехал, прижавшись лбом к холодному стеклу. Город проплывал мимо — мокрый, серый, уставший. Люди спешили по своим делам. Никто не смотрел друг на друга. Никто не замечал мужика с разбитыми костяшками и затравленным взглядом.

На остановке он увидел девочку. Лет двенадцати, с рюкзаком, в смешной шапке с помпоном. Она стояла, держась за поручень, и смотрела в окно. Егор поймал себя на том, что не может отвести взгляд. Не потому, что она была похожа на Алису. Просто в ней было что-то от той, прежней жизни, где не было крови, предательства и голоса в голове.

Девочка вышла на следующей остановке. Егор проводил её взглядом. Внутри шевельнулась глухая, ноющая боль. Он подумал о том, что Алиса, наверное, сейчас тоже где-то едет. Может быть, в школу. Может быть, к матери. Может быть, думает о нем.

«Она не думает о тебе», — сказал голос.

Егор сжал челюсти.

— Заткнись.

«Она ушла. Как все. Как Светка. Как Иванов. Как Дэн».

— Дэн не ушел.

«Уйдет. Рано или поздно».

Егор отвернулся к окну. Голос замолчал. Но внутри остался осадок — липкий, как смола.

Ломбард Калгана находился в подвале старого дома. Вывеска — облезлая, с мигающей буквой. Егор спустился по ступеням, толкнул дверь. Внутри — запах пыли, старого дерева и дешевого табака.

За прилавком сидел Костик. Низкорослый, лысоватый, с золотой фиксой во рту. Он поднял голову, прищурился. Узнал.

— Тихомиров. Охренеть. Живой.

— Здорово, Калган, — Егор подошел к прилавку, оперся на него ладонями. — Долг за тобой.

— Какой долг? — Костик изобразил удивление. — Я тебе ничего не должен, Андреич. Всё давно закрыто.

Егор молча смотрел на него. Костик выдержал взгляд секунду, две, три. Потом отвел глаза.

— Ладно. Что надо?

— Информация. Кто заказал меня вчера. Трое в арке. Кастет, бита, нож. Кто дал адрес, кто платил.

Костик почесал затылок. Достал из кармана пачку сигарет, закурил. Выпустил дым в потолок.

— Слухами земля полнится, — сказал он осторожно. — Говорят, тебя сливают. И не только по бизнесу. Будто кто-то из твоих старых знакомых на тебя зуб заимел. Но кто именно — не знаю. Врать не буду.

— А кто может знать?

Костик затаился, задумался.

— Есть один человек. Сема. Зять Иванова. Он в последнее время много лишнего болтает по кабакам. Говорит, что скоро станет в конторе главным. И что ты ему должен.

— Я ему должен?

— Ну да. Будто ты его при людях унизил. И он этого не простил.

Егор помнил. Три месяца назад на корпоративе Сема подошел к нему пьяный, начал хватать за плечо, что-то про «старших уважать». Егор тогда молча взял его за шкуру и вывел из зала. При всех. Сема покраснел, как рак, и что-то прошипел. Егор не придал значения. Зря.

— Где Сема бывает? — спросил он.

— Да есть у него любимое место. Клуб «Ангар» на Окружной. Он туда по пятницам ездит. Девочек снимает, выпендривается. Охрана у него, правда, серьезная.

— Охрана — не проблема. Проблема — время.

Он развернулся, пошел к выходу. Костик окликнул:

— Андреич!

Егор остановился.

— Ты это... поосторожнее. Сема — мразь, но у него папаша из ментов. Если что — закопают.

— Меня уже закапывают, — сказал Егор. — Так что не страшно.

И вышел.

До вечера он слонялся по городу без цели. Заходил в подземные переходы, стоял у витрин, смотрел на свое отражение. Думал о дочери. О жене. О том, что было и что будет.

В пять часов он позвонил Дэну.

— Андрейч, ты где? — голос в трубке дрожал.

— Неважно. Что слышно?

— Полная жопа. Иванов заявил в полицию. Тебя объявили в федеральный розыск. Якобы ты украл документы и скрылся. Дело раздувают.

— Документы, значит, — Егор усмехнулся. — Ну-ну.

— Это не всё. Сема нанял каких-то отмороzków. Они дежурят у твоего дома. Я сам видел — две машины. Внутри — четверо.

«Он врет. Ты же слышишь — врет».

Голос. Вкрадчивый, как шелест сухой листвы. Егор на секунду завис. Что-то в голосе Дэна было не так. Слишком быстро он выпалил про отмороzków. Слишком гладко.

— Дэн, — сказал он медленно. — Ты откуда знаешь про машины?

— Я видел. Проезжал мимо твоего дома.

«Врет. Он там не был».

— Ладно, — Егор отогнал голос. — Мне нужна машина. Чистая. Не твоя. И телефон, который не пробивается.

— Сделаю. Когда?

— Через час. Где скажу.

Он сбросил вызов. Сунул телефон в карман. Голос снова зашептал — что-то про Дэна, про ловушку, про то, что нельзя верить никому. Егор потрянул головой, как от мухи.

— Заткнись, — прошипел он.

Люди на улице оборачивались. Он шел, опустив капюшон ниже, и старался не думать о том, что голос, возможно, прав.

В семь вечера он стоял на парковке у супермаркета на окраине. Дэн подъехал на серой «Шкоде» с грязными номерами. Вышел из машины, огляделся. Подошел к Егору, сунул ему ключи и дешевый кнопочный телефон.

— Машина чистая. Хозяин в отъезде. Телефон — левый, симка тоже. Номер мой запиши. Связь только через него.

Егор кивнул, взял ключи. Но Дэна не отпустил.

— Стой, — сказал он.

Дэн замер. В глазах — испуг.

— Что?

— Посмотри на меня.

Дэн поднял глаза. Егор смотрел в них долго, секунд десять. Искал. Искал то, о чем шептал голос. Не нашел. Или не захотел найти.

— Если тебя возьмут, — сказал Егор, — что ты им скажешь?

Дэн снял очки, протер. Руки дрожали.

— Скажу, что не знаю, где ты. И это будет правдой.

Егор хлопнул его по плечу.

— Вали отсюда. И не звони первым. Я сам выйду на связь.

Дэн сел в свою «Мазду», уехал. Егор остался один на пустой парковке. В руке — ключи от чужой машины. В кармане — чужой телефон. За спиной — город, который объявил ему войну.

Клуб «Ангар» гудел, как улей.

Егор приехал за час до появления Семы. Припарковался в соседнем дворе, заглушил мотор. Сидел в темноте, смотрел на вход. Неон мигал, отбрасывая на асфальт красные и синие

блики. Из дверей выходили люди — пьяные, громкие, в дорогих шмотках. Егор не завидовал им. Он вообще давно никому не завидовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.